

Опыт сотворчества О стихах Александра Зиновьева

Пять лет назад ко мне обратились с неожиданной просьбой – написать вступительную статью к сборнику стихотворных произведений Александра Зиновьева. При всем уважении к личности крупнейшего русского мыслителя рубежа тысячелетий я вынужден был отказаться, сославшись на плохое самочувствие, что, однако, было полуправдой. То есть я действительно чувствовал себя отвратительно – в те дни обострилось мое нервное заболевание, и целыми днями я буквально лежал пластом, incapable к любого рода деятельности, тем более работе творческой, умственной. Не по плечу была и ответственность: стихи Зиновьева я читал только в составе его крупных прозаических произведений, а вот с обособленным массивом стихотворений знаком до той поры не был. Имелась и еще одна причина, самая, пожалуй, веская, но озвучивать ее я не захотел: чтение сверстанного уже текста будущего сборника вызвало во мне совсем не то чувство, с каким следует браться за предисловие к поэтической книжке.

Книга начиналась таким вступлением «От автора»:

Что вам придется здесь прочесть,
Не будет для поэзии угрозой.
Вы с полным правом можете все это счесть
Хоть и рифмованной, но все же серой прозой.

Признаюсь, на строки, следующие непосредственно за процитированными, я тогда обратил мало внимания. Вот они:

К чему, вы скажете, мудрить?
Без рифмы мог бы говорить.
Не спорю, ваша правда. Но
Есть обстоятельство одно.
Мы в будущее пролагаем миру путь.
Не остановит никакая нас препона.
Но вы же знаете, какая это жуть –
Частицей быть слепого гегемона.
Стих в этом случае – не поза.
Здесь слишком слабой будет проза.

Завершалось вступление в цикл (поэму) «Мой дом» примечательной репликой, звучащей как своего рода «Пощечина общественному вкусу»:

Лаврентьев Максим Игоревич, поэт, прозаик, редактор, литературовед, культуролог. E-mail: videniaz@gmail.com

А не сойду я за поэта,
Мне, честно говоря, плевать на это.

После этого, собственно, вопрос о предисловии следовало снять с повестки дня, но я все же не мог не дочитать присланное до конца. Что бросилось в глаза? Прежде всего типичные ошибки стихотворца-дилетанта. Например, неспособность систематически выдерживать избранный поначалу стихотворный размер (эта неспособность всегда четко указывает на смутное представление автора о поэтической технике). Банальные рифмы, в том числе обилие рифм глагольных («мудрить – говорить» и т.д.), что всегда отличает любителя рифмовать от того, кто разбирается в далеко не простом деле версификаторства. Путаница с цезурой в многостопных размерах, и как следствие – то и дело повторяющаяся инверсия, несовпадение ударения в слове с ритмическими ударениями в строке, когда словесное ударение находится не на ожидаемом месте стиха, а падает на соседний слог. Удручало и наличие полного набора поэтизмов, то есть поэтических архаизмов, характерных для пушкинской эпохи, но давно вышедших из употребления в языке литературы: сие вместо это, уж вместо уже, иль вместо или. Не менее серьезно выглядело насилие над языком – усечение слов в угоду стихотворному размеру той или иной строки, непозволительное (по крайней мере если оно ничем художественно не оправдано) обращение с грамматикой речи (*кончайсь* вместо *кончайся*, *надейсь* вместо *надейся*, *преисподню* вместо *преисподнюю* и т.д.)¹.

Приведу еще вот такой пример:

Лишь б для тела и души
Получать свои гроши.
(«Моя работа»)

Естественно, на этом фоне терялось то, что было действительно ценным. Допустим, маленький шедевр – фрагмент из «Проблемы пьянства»:

Когда я на работу поступал,
Директор, как положено, вопросик мне задал:
– А как насчет вина?
– Не пью принципиально!
И он зачислил моментально
Меня в свой штат как редкую находку.
Моя ли в том вина,
Что я действительно не пью вина,
А только водку.

Или всё целиком стихотворение «Утренняя молитва».

Или вот этот прелестный отрывок:

Бородка русая,
Грошовая зарплата.
Каморка куцая,
Зато ума – палата.

¹ Возможно, в таком усечении отразилось ошибочное поколенческое восприятие футуристических изысков в поэзии Владимира Маяковского, поэтического кумира юного Зиновьева. Так, мой отец (он был старше Зиновьева на год), Маяковского, впрочем, не любивший, цитировал одну из финальных строчек стихотворения «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» («В сто сорок солнц закат пылал...»): «До дней последних донца!». Отец почему-то считал, что «донца» – исковерканное «до конца»: «до [ко]нца».

Гастрит
От времяпровождения.
Острит
Для самоутверждения.
(«Что я такое»)

Четыре последние строчки – типичный Николай Олейников («Для наслаждения – девица, для насыщения – чечевица» и мн. др.). Но тут необходимо знать и помнить, что жемчужины олейниковской поэзии возникли, образно выражаясь, в мантии графоманского стихотворчества, куда Николай Макарович вынужден был поневоле погрузиться, работая редактором ленинградских детских журналов в 1920–1930-х годах.

В цикле (поэме) «Евангелие для Ивана» несколько особняком выглядит «Молитва верующего безбожника».

Установлено циклотронами
В лабораториях и в кабинетах:
Хромосомами и электронами
Мир заполнен. Тебя в нем нету.
Коли нет, так нет. Ну и что же?
Пережиток. Поповская муть.
Только я умоляю: Боже!
Для меня ты немножечко будь!

Не касаясь содержания этих известных стихов, написанных в 1982 году, нельзя все-таки не заметить, что при всей искренности формально они восходят к пастернаковскому образцу: «Гул затих. Я вышел на подмости...». Однако имеется у них и другой прототип, гораздо более близкий по времени и явный:

Я не знаю, как остальные,
но я чувствую жесточайшую
не по прошлому ностальгию –
ностальгию по настоящему.

Будто послушник хочет к господу,
ну, а доступ лишь к настоятелю –
так и я умоляю доступа
без посредников к настоящему...

(Андрей Вознесенский «Ностальгия по настоящему», 1972)

Эти примеры и параллели я привожу здесь не за тем, чтобы поразмять на досуге критическую извилину бывшего редактора почившего в бозе журнала «Литературная учеба». Дело в другом. Я хочу объяснить читателю, почему никак не мог написать предисловие, не покривив при этом душой: Александр Зиновьев, по собственному его выражению, не сошел за поэта – в том смысле, в каком сошли, допустим, Пушкин и Боратынский (и другие классики, разумеется, но именно эти упомянуты здесь не случайно; еще минутку терпения, читатель!). Даже те стихотворные вставки, что выглядели вполне естественно и весьма остроумно в «Зияющих высотах», написанные как будто от лица гротескных жителей Ибанска, пожалуй, совершенно иначе воспринимались бы отдельно от прозаического текста.

В монографии, посвященной Зиновьеву и вышедшей в 2016 году в знаменитой молодоговардейской книжной серии «ЖЗЛ», Павел Фокин, в частности, пишет: «Голоса у Александра не было, слуха тоже...» [1, с. 32]. Два десятка лет назад, бродя по центру Москвы

с литинститутским приятелем после защиты диплома, мы обсуждали волновавший обоих вопрос: по какому типичному признаку, свойству можно отличить поэта в общей людской массе? Перебрали кучу признаков и свойств и остановились на одном-единственном – наличии развитого музыкального слуха, без которого человек не чувствует тончайшую гармоническую стройность сложнейшей в техническом исполнении поэтической речи.

Итак, предисловие написано не было. А затем произошло вот что. В 2020 году Ольга Мироновна Зиновьева пригласила меня на концерт в московской Библиотеке искусств имени А.П. Боголюбова на Сущевке. Пригласила в качестве участника. По сценарию мне предстояло прочитать вслух два номера из «Евангелия для Ивана» – «Совет новорожденному» и «С кем, как и когда пить», следующих в этой поэме друг за другом. В том виде как оба этих текста существуют в книге «Мой дом – моя чужбина» я исполнять их на публике не мог (по вышеизложенным причинам), поэтому решил поступить по-зиновьевски, то есть в моем случае сделать по-своему. Не имея морального права трогать редакторским скальпелем *книжный* текст, я воспользовался лазейкой, исторически предоставленной композиторам-песенникам. Коротко говоря, я сочинил мелодию, куда, соединив, вплел в измененном виде оба текста. Получившийся номер «Постулаты пьянства» пришедшая на концерт публика восприняла тепло, а на внесенные мною исправления никто, кажется, не обратил внимания.

Между тем как раз это и было важно (для меня во всяком случае). Приведу оба – назовем их так для простоты – варианты. Вариант первый, авторский:

СОВЕТ НОВОРОЖДЕННОМУ

Чтобы не видеть мерзость бытия,
 Чтобы не знать, что в чреве жизни кроется,
 Закон фундаментальный пития
 Познай, о свежесделанный пропойца.
 Учись держать в руке не побрякушку,
 А поллитровку, для начала пусть чекушку.
 Проси не молока, а рюмочку винца.
 Ходить не пробуй, ползай до конца.
 Отцов последуй славному примеру:
 Не в меру пей, а как они – не в меру.
 И верь, придет желанная награда:
 Хоть в рай не попадешь, но избежишь и ада.

С КЕМ, КАК И КОГДА ПИТЬ

Пей в карауле на посту,
 В лесу, в подъезде, на мосту,
 Пей в артиллерии, в пехоте,
 В вагоне пей, пей в самолете,
 Пей на собранье, в лазарете,
 В музее, в храме пей, в клозете,
 Пей на земле, глуши на сене,
 На стадионе пей, в бассейне,
 Пей на закате, на рассвете,
 На гауптвахте, в сельсовете,
 Пей до еды, после еды,
 С удачи пей, пей от беды,
 С бухгалтерами, токарями,
 Пей с комс- и партсекретарями,
 Пей с мусульманином, буддистом,

С завхозом пей, с попом, с артистом,
Пей в одиночку, пей в компашке,
Пей из горла, из банки, чашки,
Пей лучше много, а не мало,
Пей где, когда и с кем попало.

Вариант второй, «композиторский»:

ПОСТУЛАТЫ ПЬЯНСТВА

Дабы не видеть мерзость бытия,
Дабы не знать, что в чреве жизни кроется,
Закон фундаментальный пития
Познай, о свежесозданный пропойца!

Отцов последуй славному примеру:
Не в меру пей, а как отцы – не в меру.
И жди, придет желанная награда:
Пусть в рай не попадешь – избежешь ада...

Пей в карауле на посту,
В лесу, в подъезде, на мосту,
Пей в артиллерии, в пехоте,
В подлодке пей и в самолете;

С аппендицитом в лазарете;
В музее пей и пей в клозете.
Квась на снегу или на сене,
На стадионе и в бассейне.

Пей от заката до рассвета,
Пей у сельпо и сельсовета,
Пей от земли и до звезды,
От счастья пей и от беды.

С бухгалтерами, с токарями,
И в МГУ с профессорами;
Пей с мусульманином, с буддистом,
С таксистом пей и пей с артистом.

Из банки, из горла, из чашки;
Пей в одиночку и в компашке.
Пей лучше много, а не мало.
Пей где, когда и с кем попало.

Да простит мне профессор МГУ Александр Зиновьев поэтическую вольность!

Ободренный успехом, но ничем уже не ограничиваемый и ни к чему не понуждаемый, я сочинил еще несколько вокальных номеров – романсов – на стихи Пушкина, Боратынского и... Александра Зиновьева. Да-да, именно так: среди множества пролистанных на предмет пригодного текста авторов (а среди них были, насколько помню, и Николай Языков, и мелодичнейшие наши поэты – Иннокентий Анненский, Михаил Кузмин) не оказалось более и лучше всего подходящих! Далеко ходить не пришлось – непосредственно над «Советом новорожденному» я разглядел следующий текст:

Входи, родившийся, в прекрасный мир земной.
 Включайсь скорей в людское наше братство.
 Входи! И в путь спеши за мной
 Познать земное щедрое богатство.
 Испив до дна цветов земли нектар,
 Поймешь, что горек он, хотя казался сладок.
 И станешь ты вдруг безнадежно стар.
 Лицо покроет сеть глубоких складок.
 Увидишь, что назад дороги нет.
 Зачем была, ты спросишь, жизнь-морока?
 Ты станешь мудр. Ты сам найдешь ответ:
 Для никому не нужного урока.

Убрав первые четыре строки с невозможным *включайсь*, заменив *глубокие* складки на *жесткие*, более соответствующие жанру *жесткого* романа, и ликвидировав неудобное слуху столкновение *ш* и *ч* (получилось: «Увидишь ты: назад дороги нет»), я добыл искомый текст, весьма напевный.

Таков был опыт сотворчества. Впрочем, если бы дело ограничилось только какими-то двумя песенками на слова Александра Зиновьева, не стоило бы, пожалуй, писать эти заметки, как прежде – предисловие. Но за пять прошедших лет мой интерес к зиновьевскому наследию возрос, усилился и углубился. Вырос и я сам – не в последнюю очередь благодаря знакомству с этим богатейшим наследием. И вот теперь могу с полным основанием повторить слова великого русского поэта Велимира Хлебникова:

Еще раз, еще раз,
 Я для вас
 Звезда.
 Горе моряку, взявшему
 Неверный угол своей ладьи
 И звезды:
 Он разобьется о камни,
 О подводные мели.
 Горе и вам, взявшим
 Неверный угол сердца ко мне:
 Вы разобьетесь о камни,
 И камни будут надсмехаться
 Над вами,
 Как вы надсмехались
 Надо мной.

Такой звездой – пусть не в поэзии, зато в намного превосходящем ее широчайшем житнетворчестве – является для меня Александр Зиновьев. Разумеется, надсмехаться над ним не приходило мне в голову, но укор в невнимательности, в неверном выборе угла сердца я вполне принимаю. Верный же угол к нему, как мне кажется, можно взять, только если пропустить всего Зиновьева через свою душу.

Литература

1. *Фокин П.* Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. М.: Молодая гвардия, 2015.

Аннотация. Несколько лет назад автору статьи предложили написать предисловие к сборнику, включавшему все поэтическое наследие А.А. Зиновьева. Но и состояние здоровья автора, и вступительные стихи самого Зиновьева, в которых он словно нарочно дисквалифицирует себя как поэта, и его очевидные многочисленные «технические» промахи – все это написанию предисловия не способствовало. Сегодня стихотворство Александра Александровича воспринимается автором статьи в особом свете: оно дает стимул к сотворчеству, поскольку содержит не только россыпь маленьких шедевров, но и неукротимую жизненную силу.

Ключевые слова: поэзия, стихотворец-дилетант, музыкальный слух, сотворчество, жизнетворчество.

Maxim I. Lavrentiev, Poet, Prose-writer, Editor, Specialist in Study of Literature, Specialist in Cultural Studies.
E-mail: videniaz@gmail.com

The Experience of Co-authorship. On the Poetry of Alexander Zinoviev

Abstract. Several years ago the author of this article was offered to write a foreword to the anthology that included all the poetic legacy of A.A. Zinoviev. But the author's health condition, the introductory poems of Zinoviev in which he, as if on purpose, disqualified himself as a poet, and his many evident "technical" blunders, - all that didn't favor and help the creation of that foreword. But now the author of the article assesses Zinoviev's poetry from a different and specific point of view: it provides incentive for co-authorship because contains not only the scattering of small masterpieces, but also the untamable vital force.

Keywords: Poetry, Poet-dilettante, Ear to Music, Co-authorship, Life Creation.